

Глава 47

Старый друг уже не тот, что прежде (финал)

Лу Янь резко поднялся и шагнул к Чао Цы.

Даже в густом полумраке он отчётливо видел искажённое лицо юноши. Тот скорчился в мучительной судороге; лоб и виски блестели от холодного пота, всё тело натянулось, словно струна. Чао Цы был не в силах вымолвить ни слова — из его горла вырывались лишь глухие, прерывистые стоны.

Его словно ударили в грудь тяжёлым молотом. Не зная, как унять эту боль, император велел немедленно позвать Ли Аня, а сам прижал юношу к себе, ни на миг не прекращая вливать в него свою жизненную силу.

Пленнику стало чуть легче, но агония не отпускала. Тогда император, полоснув пальцем по запястью, прижал рану к его губам.

Чао Цы к тому времени уже почти потерял сознание от боли. Его челюсти были крепко сжаты; кровь, которую он не мог проглотить, тонкой струйкой стекала по подбородку.

Лишь малая часть целительной влаги попала внутрь.

Видя это, император нахмурился. Он до крови прикусил кончик языка, вытеснил к нему каплю драгоценной сердечной крови и, сдавив подбородок Чао Цы, приник к его губам.

Это был первый раз, когда он напоил Чао Цы своей сердечной кровью.

Действие оказалось мгновенным. Проклятие, пожирающее кости, словно насытилось; вскоре конвульсии утихли, и дыхание юноши стало ровнее.

Тот тяжело дышал, его грудь часто вздымалась. Едва придя в себя, он нахмурился и посмотрел на Лу Яня.

— Что... что ты мне дал? — его голос был невыносимо хриплым.

Лу Янь промолчал.

Всё это время он скрывал от Чао Цы, что главной составляющей всех его лекарств была его собственная божественная эссенция. Он знал: стоит юноше узнать правду, и тот откажется принимать снадобье.

Но Чао Цы не нуждался в ответах — он догадался сам.

Там, в беспамятстве, он не мог сопротивляться, но теперь, когда мука отступила, обрывки туманных воспоминаний сложились в единую картину.

— Больше не давай мне этого, — в его глазах вспыхнуло глубокое отвращение.

Сердце Лу Яня болезненно сжалось.

Он понимал: юноша, придя в себя, не осыпал его проклятиями не потому, что простил. Он просто был слишком разочарован, слишком пресыщен этой мерзостью, чтобы тратить на императора лишнее слово.

В конечном итоге Лу Янь не ответил ни «да», ни «нет».

***

Ли Ань, прибывший чуть позже, ничуть не удивился состоянию больного.

Он объяснил Лу Яню, что такова истинная природа проклятия: оно буквально пожирает плоть и кровь своего носителя. Раньше они с Чао Цы сдерживали его, но теперь, на последней стадии, когда сил больше не осталось, скверна начала ответный натиск.

Иного пути не было: стоило приступу начаться, нужно было вновь и вновь давать больному сердечную кровь. Но даже это не прекращало мучений мгновенно — процесс был долгим и мучительным.

С того дня приступы повторялись каждые три-четыре дня. Лу Янь не смел отойти от постели ни на шаг.

Вскоре агония стала приходить всё чаще. Раз в три дня, раз в два, и наконец — ежедневно. Боль становилась всё нестерпимее.

Лу Янь знал, как высок порог боли у Чао Цы. Юноша два года скрывал проклятие, не выдав себя ни единым жестом. Прежде, как бы жестоко император ни истязал его, тот редко плакал — лишь инстинктивные слёзы иногда катились из его глаз.

Но теперь, стоило проклятию заявить о себе, он метался по кровати, впиваясь ногтями в собственную грудь, руки и бёдра. Казалось, он хотел собственноручно вырвать из себя ту тварь, что терзала его изнутри. Если бы Лу Янь не удерживал его, Чао Цы изорвал бы себя в клочья.

Есть ли предел у сердечной боли?

Когда Лу Янь узнал о болезни Чао Цы, он думал, что страдает на пределе сил. Когда позже он узнал, что юноша принял проклятие на себя и ради него намеренно использовал духовные силы, чтобы ускорить действие яда — в тот миг он почувствовал, как его сердце вырывают из груди.

Но теперь, когда он мёртвой хваткой сжимал Чао Цы в объятиях, не давая ему калечить себя, когда тот хрипел и выл на него, точно загнанный в угол зверь, душа Лу Яня словно раскололась надвое.

Задыхаясь от собственной муки, он вновь и вновь прокусывал едва затянувшуюся плоть на языке, чтобы напоить возлюбленного сердечной кровью.

Болезнь прогрессировала. Раньше хватало капли, теперь же требовались реки.

Боги едины с небом и землёй, их раны затягиваются в мгновение ока. Но эссенция и сердечная кровь — иное дело. В них сосредоточена вся божественная мощь, и их запас не бесконечен. Даже для бога восстановление этих сил — процесс долгий и изнурительный.

Потеряв столько крови за короткий срок, Лу Янь смертельно побледнел.

Но ему было всё равно. Он не сводил глаз с Чао Цы, и даже когда тому становилось легче, император не чувствовал облегчения.

Чао Цы забылся тяжёлым сном. Глядя на его нахмуренное даже во сне лицо, Лу Янь медленно сжал кулаки.

Так длить его мучения... так насильно удерживать его здесь...

Он дрожащими губами коснулся лба юноши.

«Прости. Я просто ещё не готов. Дай мне ещё немного времени, прошу тебя...»

***

Развязка была близка.

Наступил день, когда даже сердечная кровь перестала помогать. Тогда Лу Янь вонзил кинжал в собственную грудь и вырезал половину сердца.

Он был богом и мог жить без сердца. Но даже для божественного тела такая жертва была сопряжена с муками, которые не в силах вообразить смертный.

Боясь, что Чао Цы отвергнет подношение, он переплавил свою плоть и кровь в пилюли и давал их юноше во время приступов.

Они расстались в один из погожих дней.

Лу Янь дал Чао Цы очередную пилюлю, и спустя долгое время конвульсии утихли. Но не успел император вздохнуть с облегчением, как с уголка губ юноши сорвалась струйка крови, и его тело вновь выгнулось в судороге.

Лу Янь в панике потянулся за второй пилюлей, но Чао Цы резким движением оттолкнул его руку.

Почувствовав неладное, император схватил его за подбородок, силой заставляя открыть рот.

Внутри всё было превращено в кровавое месиво. Чао Цы искусал язык так, что на нём не осталось живого места — старые раны перемежались с новыми, слой за слоем.

Глаза Лу Яня расширились от ужаса. Догадка ледяным холодом сковала его тело.

Чао Цы вырвался из рук императора и, стиснув зубы, невероятным усилием воли подавил новый приступ боли.

Невзирая на пожар в груди и разрывающую внутренности муку, он отдельно, чеканя каждое слово, произнёс:

— Твою сердечную плоть... я есть не буду.

Он запустил руку в широкий рукав и достал десяток коричневых пилюль. Одним резким движением он раздавил их, превращая в пыль.

Лу Янь заворожённо смотрел на его ладонь.

Оказывается, он всё это время не принимал лекарств. Эти дни он терпел агонию на одной лишь чистой воле, а Лу Янь заметил это только сейчас.

Чао Цы сел в постели. В его взгляде, устремлённом на императора, читалась безмерная усталость.

— Лу Янь, отпусти меня, — сказал он.

Тот смотрел на него глазами, налитыми кровью. Он разомкнул губы, но из горла вырвался лишь невнятный хрип.

Его губы дрожали долго, бесконечно долго, прежде чем он сумел вытолкнуть из себя единственное слово:

— Хорошо.

***

В тот день в главном дворце Девяти небес вспыхнул пожар.

Это было священное белое пламя. Любой практик ниже стадии Преодоления Скорби, посмевавшийся приблизиться к нему, был бы мгновенно поглощён огненной волной.

Пожар начался внезапно и яростно, в один миг охватив всё здание. Но среди бесчисленных слуг небесного воинства не нашлось никого, кто бросился бы тушить огонь.

Божество стояло перед дворцом. Он простоял неподвижно всю ночь.

В зыбком мареве пожара ему почудилось, будто чья-то фигура в самом сердце пламени взметнула меч и перерезала себе горло.

Сквозь алые сполохи тонкий, хрупкий силуэт в чёрном поднёс клинок к своей груди и медленно, дюйм за дюймом, вонзил его в сердце.

Словно театр теней на фоне конца света.

К утру от главного дворца не осталось ничего — пламя поглотило всё до последнего пепла.

***

«Я хочу сгореть в огне. Чтобы всё исчезло, чисто и до конца»

«Только я один»

***

Лу Янь знал: это была его кара. Чао Цы наказал его.

Он заставил его собственными глазами видеть, как он сгорает заживо, не оставляя после себя ничего. Нет на свете существа более жестокого, чем Чао Цы: ведь он знал, что смерть приносит забвение, а оставшийся в живых будет каждый день гореть в аду собственной памяти.

Каждое непростительное деяние Лу Яня отныне вечно стояло у него перед глазами.

Уходя, Чао Цы не попрощался с Ли Анем. Он лишь взял с Лу Яня слово: когда всё закончится, отпустить лекаря.

Когда взвилось пламя, Ли Ань, казалось, всё понял. Он не пришёл к Лу Яню за объяснениями. Когда на следующий день император отправился на его поиски, лекаря уже и след простыл.

Это была казнь без судей, палачей и стражей. Лу Янь сам стал своим тюремщиком, день за днём истязая себя раскаянием.

Лишь тысячу лет спустя, когда Царство богов было окончательно выстроено, во время церемонии коронации человек в чёрном вонзил клинок в его сердце, вдребезги сокрушая божественную душу.

Глядя в знакомые глаза убийцы, Лу Янь вспомнил их первую встречу и нелепого юношу с копной зелёных волос.

— Спасибо, — прошептал он.

***

«Закончил расчёты? Можем мы уже валить в следующий мир?» — торопил Систему Чао Цы, находясь в системном пространстве.

«Погоди, погоди... Всего пара минут, чего ты так завёлся?» — вздохнула она. «Ты только что закончил арку, почему бы не отдохнуть здесь немного?»

«С чего тут отдыхать? Здесь же шаром покати. Чем быстрее разберёмся с этими идиотами и вернёмся домой, тем лучше», — отрезал Чао Цы.

«Ладно-ладно, не зудь, результат готов». Она бегло просмотрела отчёт.

[Результат: через тысячу лет Ли Ань убил Лу Яня. Лу Янь слишком погряз в своих чувствах и перестал подходить на роль избранника Небесного Дао, поэтому Дао выбрало Ли Аня]

«Окей-окей», — кивнул Чао Цы. «Ну так чего мы ждём? Погнали!»

***

Когда Чао Цы снова открыл глаза и восстановил в памяти план прохождения этого мира, задача показалась ему не такой уж сложной. По сравнению с предыдущими двумя мирами, этот ощущался как переход из рейдового подземелья максимального уровня в стартовую локацию для новичков.

Это был не древний Китай, а современный мир. Однако от привычной реальности его отличало наличие шести полов — классический АВО-сеттинг.

В этом мире он был обычным бетой. Его семья была весьма состоятельной: отец — влиятельный богач, а семья матери когда-то обладала немалым весом в политических кругах. Однако ещё в детстве Чао Цы в клане матери начались проблемы, они быстро утратили влияние, и вчерашние союзники отвернулись от них. Отец тут же охладел к жене, и спустя несколько лет мать скончалась от болезни.

Всего через месяц после её смерти отец привёл в их поместье женщину-омегу и маленького альфу, который был на два года младше Чао Цы. Тогда мальчику было всего семь лет.

Так он и рос в тени, всеми игнорируемый и притесняемый, в самом тёмном углу этого огромного дома, пока ему не исполнилось семнадцать.

Он оставался заурядным бетой. В элитной частной школе, куда его устроил отец, среди блестящих альф и прекрасных омег он выглядел серым пятном. У него не было выдающихся талантов, даже в учёбе он не блистал, как бы ни старался. Годы одиночества и холодного отношения окружающих сделали его замкнутым и болезненно неуверенным в себе. У него не было ни единого друга.

Из-за своей слабости и образа «белой вороны» он долгое время был изгоем, подвергаясь травле со стороны одноклассников.

Полной его противоположностью был объект текущей миссии — Линь Чжэн.

Линь Чжэн был на год старше Чао Цы, и влияние его семьи было поистине устрашающим. По сравнению с кланом Линь, богатство отца Чао Цы казалось каплей в море. Тот был альфой исключительного ранга и с ранних лет проявлял гениальность. Будь то интеллект или физическая сила — он всегда оставался лучшим среди сверстников.

Такие люди жили в другом измерении. Юноша мог лишь украдкой наблюдать за ним, стоя в одиночестве у перил школьного коридора, когда мимо проходил блистательный Линь Чжэн в окружении свиты поклонников.

Чао Цы и помыслить не мог, что их пути когда-нибудь пересекутся.

Всё изменилось в один из учебных дней, когда юноша, будучи в одиннадцатом классе, оказался зажат в тупике глухого переулочка группой агрессивных альф.

Его спас Линь Чжэн.

Он разогнал хулиганов. Увидев, что Линь Чжэн заступился за беду, те не посмели спорить и быстро скрылись.

Тот отвёл Чао Цы в ближайшую клинику и оплатил счета за лечение. Пока он разговаривал с врачом, юноша робко разглядывал своего спасителя.

Резкие, породистые черты лица Линь Чжэна казались высеченными из камня. Он был старше всего на год, но выглядел как человек совершенно иной стати.

Отдав Чао Цы лекарства, юноша просто ушёл.

В ту ночь Чао Цы так и не смог сомкнуть глаз. В его тесной комнатке впервые поселилось некое жгучее, лихорадочное чувство. Стоило закрыть глаза, как он видел перед собой того прекрасного Линь Чжэна, серьёзно обсуждающего что-то с врачом, вспоминал, как тот выводил его за руку из грязного переулочка.

И ещё этот запах... едва уловимый аромат хвои и можжевельника. Вероятно, это был запах его феромонов. И хотя Чао Цы, будучи бетой, не мог биологически реагировать на феромоны альф, этот аромат навеки запечатлелся в его сознании.

<http://bllate.org/book/15361/1417429>